

— Пить в одиночестве, разве это не тяжко, господин Мужун?

А Шао Цихань, с мрачным лицом и тяжело дыша, как раз успел увидеть сцену, которая вызвала у него бурю гнева.

[Авторское примечание: Ох уж эти повторяющиеся сцены, жизнь так драматична!]

Всего за полчаса настроение Шао Цихана претерпело идеальный переход от беспокойства к изумлению и затем к ярости. Когда он увидел на навигаторе, что красная точка, обозначающая Мужун Цзю, уверенно движется к самому оживленному району красных фонарей, его мозг буквально взорвался.

Что Ацзю делает в таком месте?

Мужун Цзю всегда был образцом чистоты и порядочности, что было полной противоположностью Шао Циханя. Он даже начал подозревать, что его друг детства до сих пор оставался девственником. Хотя Шао Цихань слышал, как некоторые избалованные молодые люди в их кругу шутили на эту тему, а некоторые даже осмеливались говорить об этом ему в лицо, он неизменно отвечал на такие шутки холодным взглядом и мрачным выражением лица. Он не позволял никому оскорблять Мужун Цзю в его присутствии, и постепенно такие разговоры прекратились.

На самом деле Шао Цихань иногда и сам в душе задавался вопросом, ведь в их кругу считалось позорным для мужчины оставаться девственником к двадцати годам. Однако теперь он уже не думал так. Наоборот, он был рад, что Мужун Цзю остается чистым.

Мысль о том, что Мужун Цзю был только с ним, заставляла его сердце биться быстрее.

Шао Цихань был мужчиной, и у него были типичные мужские слабости. Мужчины любят покорять многих женщин, но они еще больше любят, чтобы их женщины были покорены впервые. Хотя Мужун Цзю не был женщиной, Шао Цихань все равно тайно питал эту грязную мысль.

Когда он осознал, что давно уже влюблен в Мужун Цзю, его желание покорить и обладать им разгорелось с новой силой. Ему было все равно, кого любил Мужун Цзю раньше, но он должен был знать, кого любит сейчас. Точно так же ему было все равно, с кем Мужун Цзю проводил время раньше, но он должен был знать, есть ли у него кто-то сейчас.

И именно поэтому он был так зол. Мужун Цзю, которого он уже считал своей собственностью, отправился в район красных фонарей.

Недавно произошла авария, а он не бережет себя — это первый грех. Скрыл от него поход в бар — второй грех. Шао Цихань взглянул на припаркованный у дороги роскошный автомобиль и

мысленно вынес Мужун Цзю два обвинения.

Когда он, сжав кулаки, грубо пробирався сквозь толпу танцующих мужчин и женщин, он увидел двоих мужчин, почти прижавшихся друг к другу у стойки бара, и вынес третье обвинение.

Шао Цихань, пылая гневом, подошел к Мужун Цзю, который, казалось, накопил уже немало грехов, и, не задумываясь, замахнулся для удара.

Конечно, его кулак был направлен не на Мужун Цзю.

Светловолосый мужчина, наклонившийся к Мужун Цзю, почувствовал необычный поток воздуха, обернулся и получил удар прямо в лицо.

— Черт! — мужчина резко выпрямился, прикрывая нос, и выругался.

Шао Цихань даже не взглянул на него, сосредоточившись на том, чтобы повернуть Мужун Цзю за плечо.

Эта внезапная стычка привлекла еще больше внимания. Три женщины, которые только что вернулись на свои места, пристально смотрели на троих мужчин у стойки бара. В их глазах уже не было прежнего голодного блеска, теперь они были полны зависти.

Женщины завидовали тому, что их бывшая добыча теперь оказалась в центре внимания двух таких выдающихся мужчин.

Светловолосый мужчина, как говорили, был миллиардером, владевшим лучшими барами и ресторанами. Он любил ночную жизнь, не разборчив в связях и был известен своим обаянием и спортивной фигурой. Его прозвали «Дьяволом».

А тот, кто появился позже, был еще более известен. Не говоря уже о его идеальной внешности и огромном влиянии, одно лишь его имя заставляло женщин бросаться к нему. И этот мужчина давно не появлялся в таких местах, а теперь он, оказывается, заинтересовался другим мужчиной!

Что в них хорошего? Ни груди, ни попы, ни удовольствия, ни детей, только риск заразиться СПИДом! Иди ко мне, я рожу тебе детей!

Женщины яростно кричали в душе.

Эти несчастные женщины не узнали знаменитого генерального директора Мужун Цзю, ведь он никогда не бывал в таких местах. Но кто-то все же узнал его, хотя в баре был только один

такой человек.

Лэнгстон, единственный, кто узнал Мужун Цзю, прикрывая нос, гневно закричал:

— Шао Цихань!

Шао Цихань, казалось, не заметил ярости Лэнгстона, полностью сосредоточившись на том, чтобы отобрать у Мужун Цзю очередной бокал.

За это время Мужун Цзю уже выпил три бокала и собирался налить себе четвертый. Пить Absolut Vodka в таких количествах было равносильно самоубийству. Мужун Цзю был пьян, и если он хотел забыть свои печали, то уже преуспел в этом. Его горе растворилось в алкоголе, а теперь он пытался растворить и свою жизнь.

Шао Цихань с покрасневшими глазами вырвал бокал из рук Мужун Цзю. Он не знал, что произошло сегодня с его любимым, чтобы тот так себя вел, но он точно знал, что должен вытащить его из бара и отправить в больницу.

Пьяный Мужун Цзю был невероятно силен. Когда бокал был отобран, он потянулся к бутылке, стоявшей далеко на стойке.

Но Шао Цихань был начеку. Он обхватил Мужун Цзю за талию и стащил его с высокого стула. Мужун Цзю отчаянно сопротивлялся, но чем крепче его держали, тем сильнее он боролся. В конце концов Шао Цихань понял, что не сможет удержать его одной лишь силой.

Одной рукой он крепко обхватил талию Мужун Цзю, а другой резко опустил ладонь на его ягодицы. Прикусив ухо Мужун Цзю, он громко и четко произнес:

— Веди себя прилично!

Неожиданная атака сработала. Хотя в голове Мужун Цзю было только «пить», алкоголь еще не успел полностью парализовать его нервные окончания. Когда он почувствовал удар по ягодицам, боль заставила его мгновенно успокоиться.

Шао Цихань обнял Мужун Цзю, который теперь напоминал большую куклу, и его мрачное выражение наконец смягчилось. Возможно, из-за того, что он получил своеобразное удовольствие?

Как бы то ни было, Шао Цихань наконец смог вывести Мужун Цзю из этого душного места. Он поддерживал его, готовясь уйти от стойки, но два голоса одновременно остановили его.

Шао Цихань обернулся и увидел бармена, который смотрел на него с нерешительностью, и

Лэнгстона, который, прижимая к носу платок, злобно смотрел на него.

— Что? — резко спросил Шао Цихань, поднимая Мужун Цзю, который продолжал сползать.

Бармен, не испугавшись его резкости, указал на бутылку, оставшуюся на стойке, и улыбнулся профессиональной улыбкой.

— Запишите на мой счет, — раздраженно сказал Шао Цихань, снова поддерживая Мужун Цзю.

— Шао Цихань! Ты не боишься, что я расскажу твоему брату? — Лэнгстон скомкал окровавленный платок и попытался злорадно улыбнуться, но из-за боли на лице появилась лишь гримаса.

— Он знает, — холодно ответил Шао Цихань, не останавливаясь. — Я предупреждаю, не играй со мной.

<http://bllate.org/book/15114/1335696>